

Елена Синякова

МЕДВЕЖЬЯ КРОВЬ

RUGRAM

Москва
2022

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
С38

Синякова, Е.

С38 Медвежья кровь / Е. Синякова. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 286 с. — (Берсерки).

ISBN 978-5-517-06768-5

Я никогда не был человеком, даже если выглядел как они.

Моя медвежья кровь делала меня хищником, умеющим ходить на двух ногах и способным говорить.

Моя медвежья кровь делала меня лакомым куском для тех, кто знал о таких, как я, и гонялся за нами в попытках приручить и сделать покладистыми.

Если видишь меня — не вздумай бежать!

А если побежала — не молись о том, что умрешь быстро.

Женщины — наш запрет. Наша жажда. Наша погибель.

Запретный плод, который манит так, что устоять невозможно.

Поэтому если я пришел на твой порог — тебе больше не уйти, не сбежать и не скрыться.

Открывай дверь, и спрячь ружье, девочка.

Оно тебе не поможет.

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

© Синякова Е., 2021

© Леола К., оформление, 2021

© RUGRAM, 2021

© Т8 Издательские технологии, 2021

ISBN 978-5-517-06768-5

Вступление

— У меня ружье! И я буду стрелять!

Приходилось кричать так громко, как я была в состоянии делать, чтобы только перекричать истеричный и надрывный лай моих верных псов...

...И чтобы эта тень услышала!

Тень, которая скользила от окна до окна, выглядела такой огромной, что загораживала собой рассеянный свет луны и заставляла меня содрогаться от ужаса в попытках понять, что я могу сделать, чтобы защитить себя!

Не было слышно ни звука шагов, ни шороха ветра.

Словно сама природа замерла и прислушалась.

Можно было бы подумать, что мне всего лишь кажется это все, если бы не приглушенный смех, который я слышала, отчего волосы вставали дыбом, а зубы стучали друг о друга.

Мужской смех.

Низкий, обволакивающий, вязкий, словно туман, который ползет из леса густой, беспроглядной пеленой, заставляя зябко кутаться в теплый плед. И спешить скорее к огню, чтобы согреться и успокоить свою душу от мыслей о том, что и кто может прятаться за его рассеянной дымкой.

Он забавлялся со мной.

Играл, подбираясь все ближе и ближе, и словно чувствовал, насколько я беспомощна перед ним, как бы ни храбрилась и ни цеплялась за охотничье ружье отца, сжимая его до ломоты в пальцах.

— В последний раз предупреждаю! — снова крикнула я, вздрагивая всем телом от того, что тень скользнула у последнего окна нашего большого, просторного дома, и с холодным ужасом понимая, что теперь остался ровно один поворот. Всего один угол, который этой тени стоит преодолеть, чтобы найти входную дверь.

И пусть она была надежно закрыта на засов, у меня не было уверенности в том, что это поможет мне.

На самом деле я не в первый раз оставалась одна, но никогда еще мне не было настолько страшно!

Никогда еще не было этого удушливого, щемящего ощущения, словно я попала на полном серьезе в фильм ужасов, где за стенами бродит самый настоящий маньяк.

И сколько бы я от него ни убегала и как бы ни пряталась, он все равно найдет меня!

Впервые дом перестал быть моей нерушимой крепостью и центром добра и тепла, где меня не страшило совершенно ничего.

Впервые окружающий наш дом лес стал чем-то страшным и загадочным, храня тайны, которые было лучше не знать, чтобы продолжать спокойно жить.

Тень снова рассмеялась приглушенно и хрипло, опьяняя баритоном и словно заманивая в ловушку своей бархатной мягкостью, когда я отчетливо понимала, что даже у волка изумительная, мягкая и теплая шерсть, но ведь и она не сделает его клыки менее устрашающими и смертельно опасными.

— Ведь ты сама позвала меня, глупая.

— Я вас не знаю! И никуда не звала!

Оттого что его приглушенный смех, слегка хрипящий, но все равно такой по-мужски притягательный в своей силе и глубине, раздался уже совсем близко, а порог скрипнул, меня бросило в холодный пот и во рту пересохло.

Ну вот и все!

Он у двери!

Было жуткое, совершенно необъяснимое чувство, что меня не спасет ни засов, ни дверь, ни ружье, как бы устрашающе я им ни целилась, надеясь лишь на то, что он не увидит, как неловко я его держу.

— Уходите прочь!

Он снова рассмеялся, заставляя меня поежиться и покоситься на странное поведение моих четвероногих друзей, которые хоть и лаяли, но при этом поджимали хвосты и не бросались вперед, как это было раньше и, к сожалению, далеко не единожды.

Вступление

Словно даже мои псы ощущали что-то таинственное, ужасающее и давящее на психику с появлением этой тени, что ощущала и я слишком отчетливо, чтобы не обращать на это внимания, но боясь вдаваться в подробности.

Легко нападать на того, кто беззащитен перед миром.

Жаль, что человеческая сущность была настолько низкая и подлая, что этим не пользовался разве что ленивый.

Не нужно было обладать блестящим умом, чтобы прийти к девушке, которая осталась одна в большом доме со странным маленьким мальчиком и двумя собаками, ожидая от нее благосклонности.

Этот человек не был оригинален в своем появлении, но пугал меня гораздо сильнее всех остальных таких же наглых, распутных, а зачастую в стельку пьяных мужчин, кто уже приходил на порог моего дома в попытках завоевать расположение не столько своим поведением, сколько грубой силой.

В таежном поселке не может быть секретов, когда все видят друг друга и обсуждают еще много недель любой, даже незначительный пустяк.

И я не могла винить людей в том, что наша семья стала поводом для разговоров и сплетен еще пару лет назад.

Я любила тайгу.

Я здесь родилась.

Меня называли в честь лесной фиалки — Иля.

Здесь мои родители нашли друг друга и шли по жизни, крепко держась за руки, зарабатывая посильным трудом деньги, но не пытаясь перебраться в большой город, даже когда ситуация в лесоперерабатывающей промышленности резко ухудшилась.

Мой отец сначала был начальником местного отдела лесной полиции, а когда его расформировали за ненадобность, он пошел работать бригадиром лесозаготовительной бригады, уезжая в самую глубь леса на несколько недель вместе с десятком мужчин.

Мама была скромным поваром на переправе, где все водители больших лесовозных машин останавливались, чтобы согреться

в зимние морозы и перекусить на половине долгой и опасной дороги.

Они всегда были рядом, всегда поддерживали и защищали друг друга, а наша семья была дружной и сплоченной на зависть и пересуды многим в маленьком таежном поселке.

Но когда родился мой младший брат — мой маленький лунный мальчик, — деньги стали нужны как никогда, и родители оставляли дом на меня, чтобы работать сутки напролет и иметь возможность вывозить нашего кроху на дорогостоящее лечение в город.

Бедя пришла откуда не ждали...

Ни для кого не секрет, что работать в лес идут или от безнадёжности, или пытаются скрыться.

А еще люди, которые не могут устроиться на другую работу в силу некоторых причин.

Например, таких как бывшая судимость.

Отец не брал в свою бригаду тех, в ком не был уверен, но многие другие брали.

Именно один из таких людей посчитал, что имеет право приставать к маме, несмотря на то что знал о ее семье и муже, который работает рядом.

Конечно же, папа не оставил этого.

Завязалась потасовка, которая переросла в драку... и закончилась случайной смертью обидчика: он ударился головой о выступ коряги, что невозможно было увидеть из-за снега.

Мы с мамой до последнего молились и надеялись на то, что эту ситуацию признают необходимой обороной и папу выпустят на свободу.

Но все было тщетно.

Так наша размеренная жизнь закончилась в один страшный день, оставляя наедине с одиночеством, страхом, болью и своей беспомощностью перед обстоятельствами, а еще показывая истинное лицо окружающих нас людей.

На протяжении последних трех лет, пока папы не было рядом с нами, кто только ни приходил на порог нашего дома из местных

Вступление

наглецов и приезжих работников из леса, которые считали, что мы с мамой просто обязаны обогреть и обласкать каждого желающего, совершенно не задумываясь над тем, как они унижали нас и пугали.

Никогда еще в своей жизни я не плакала столько, как в эти годы, от омерзения и оскорблений, когда совершенно незнакомые мужчины ломились в наш дом, зная, что я остаюсь совсем одна и нет никого, кто способен поставить их на место.

Большинство из них были пьяны.

Они били стекла, отшатываясь от моих огромных псов, которые стали единственной моей опорой и защитой; кричали о том, что я дура и могу заработать собой много денег, а еще их защиту.

...Но все, чего я хотела, — это покой.

Простой, тихий человеческий покой, чтобы могла ложиться спать в большом двухэтажном доме, не вздрагивая от каждого звука и не держа рядом с собой папино ружье.

В такие моменты я думала, что, наверное, это даже хорошо, что мой брат ничего не понимал и не мог испугаться так, как боялась я.

Я вздрогнула, хватаясь отчаянно за ружье, когда дверь вдруг дрогнула и — как мне на секунду показалось — слегка прогнулась, словно была не из дерева, а всего лишь фанерным листом.

Но не успела ничего подумать, как поняла, что пячусь назад, потому что засов толщиной тридцать сантиметров начинает трещать и хрустеть, словно сломанный позвоночник, в буквальном смысле расходясь на три части и с грохотом падая на пол, оставляя меня теперь онемевшей от ужаса.

Кажется, даже мои верные псы не ожидали ничего подобного, на несколько мучительно долгих секунд притихнув и разразившись оглушительным лаем, когда дверь, чуть скрипнув, словно всхлипнув, раскрылась, показывая на пороге того, чье присутствие пугало меня, как еще никто и никогда в моей жизни.

Нет, это не было иллюзией луны, которая теперь светила за широченными плечами, что в буквальном смысле занимали

совершенно все дверное пространство: этот мужчина на самом деле был настолько высокий, что тяжело уперся лбом в верх дверного косяка, проговорив приглушенным низким голосом:

— Вы, люди, такие мелочные и непостоянные.

Когда мои псы бросились вперед, при этом поджимая хвосты, но рыча и скалясь, мужчина издал какой-то совершенно невероятный и необъяснимый звук, похожий на низкое басистое рычание, отчего волосы встали дыбом на затылке не только у меня, но и у собак на холке. Они заскулили, прижимаясь к полу и отползая назад, оставляя меня один на один с тем, чья огромная тень стала моим кошмаром.

Реальным огромным кошмаром.

Мужчина не был оригинален в своем появлении и, очевидно, был пьян, потому что его слегка пошатывало, когда он уперся огромной мощной ручищей в стену дома, дыша глухо и тяжело и наверняка боясь завалиться набок.

Но чем он определенно удивил, так это тем, что пришел сразу голым!

Извращенец ненормальный!

Никакого стыда и совести!

Ведь все в округе знали, что даже если я без мамы, то рядом со мной всегда мой младший брат!

И это хорошо, что луна светила в его широченную спину, скрывая в темноте ночи все самые бесстыжие места, куда я старалась не смотреть, выставляя вперед ружье и наводя его прямо на грудь этого великана, который, вероятно, не один раз упал по дороге сюда, поскольку его тело все блестело от грязи, словно он где-то нашел лужу с нефтью или чем-то подобным.

— ВОН! — рывкнула я как только могла, надеясь, что не слышно, как мой голос дрогнул от того, что еще никогда я не видела мужчин таких размеров. — НЕМЕДЛЕННО ВОН! Иначе я за себя не ручаюсь!

Он хмыкнул.

Протяжно и мрачно, пошатываясь, подался вперед и спокойно переступил порог дома.

Вступление

Хрустя щепками под босыми ногами, он уперся грязной грудью в дуло ружья, протянув большую руку с длинными пальцами вперед и заставляя меня отшатнуться и вытянуть руки, чтобы плотно держать ружье прямо у его сумасшедшего сердца.

— Если собралась стрелять, то нужно сделать вот так для начала...

Он отвел затвор назад, издав какой-то харкающий звук, который я восприняла как смех, вдруг понимая, что ружье едет ко мне во влажных ладонях, ударяя в грудь рукояткой и отлетая в сторону с грохотом, оттого что мужчина одним легким движением кисти просто отмахнулся от него, накренившись вперед всем своим огромным весом и более чем двухметровой высотой.

Прямо на меня!

Он рухнул, придавливая меня к полу и выбивая из легких весь воздух, словно сам дом сложился пополам, погребая меня под своими обломками.

Я бы закричала от ужаса, но только рухнула на пол с такой силой, что на секунду задохнулась от боли и осознания того, что меня просто придавило.

ИМ!

Глава 1

— Выпускай его!

— Объект еще не готов.

— Выпускай его, черт побери!

Этот голос отозвался во мне тупой болью.

Второй. Надрывный, истеричный. Отдающий ароматом крови, который будоражил мой спящий разум и путал его дымкой хищного желания.

Кто бы там ни был, его хотелось убить. Растерзать на мелкие кусочки, чтобы они сгнили на солнце. И я бы сделал это, если бы только мог пошевелиться.

Что это было?

Цепи? Ни одни цепи не были способны удержать меня.

Но состояние было такое, словно из меня достали скелет, оставив только шкуру.

Я не ощущал ни рук, ни ног. Только голову. Потому что вся боль была сосредоточена именно в ней.

Было противное ощущение, словно из моего черепа сделали емкость, наполненную кислотой, куда опустили мозг.

Ощущение не из приятных.

Я пытался двигаться. Хотя бы просто начать моргать. Но ничего не получалось.

Не получилось даже зарычать от злости на эту досаду.

Только в голове стало еще больнее.

И эта боль была единственной, что показывала, что я еще не умер.

— Выпускай его — или мы все помрем самой страшной смертью!

Сме-е-ерть. О да-а-а.

Эти мысли отдавались во мне сладостным томлением.

Это то, что я любил.

То, что делал с удовольствием, погружаясь в эту жажду всем своим хищным существом.